

Русская литература XIX — начала XX вв. в инфосфере духовных академий Российской империи*

Т. В. Чумакова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Чумакова Т. В. Русская литература XIX — начала XX вв. в инфосфере духовных академий Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 3. С. 595–606. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.315>

Целью статьи является попытка выработки подходов к реконструкции места и роли литературы в интеллектуальной и информационной сфере российских духовных академий XIX — начала XX в. Данная публикация подготовлена на основе источников различного происхождения: это каталоги библиотек духовных академий, периодические издания, которые выходили в православных духовных академиях Российской империи («Христианское чтение», «Труды Киевской духовной академии», «Православный собеседник», «Богословский вестник»), православная автобиографика, журналы заседаний советов духовных академий, программы учебных курсов, учебные пособия (учебники и хрестоматии) и др. Анализ этих многочисленных источников показывает, что библиотеки четырех православных духовных академий Российской империи обладали большим фондом художественной литературы на разных языках, включающим и произведения русской литературы. Изучение русской литературы также входило в состав различных учебных курсов. Первоначально это было связано не столько со стремлением дать учащимся разностороннее образование, сколько с желанием развить их художественный вкус и литературные способности, что было необходимо для написания проповедей. Но позже литература стала восприниматься как то, что оказывает мощное влияние на мировоззрение человека и может конкурировать с религией. Исследование показало, что влияние современной русской литературы постоянно возрастало, и к началу XX в. в программы духовных учебных заведений входило изучение произведений едва ли не всех русских писателей. При этом изучались не только «душеполезные» сочинения, но и те, которые считались «вредными», и последним в церковной периодической печати (Л. Н. Толстой) отводилось едва ли не центральное место.

Ключевые слова: религиоведение, история христианства, история религиозного образования, православие, инфосфера, русская литература.

Несмотря на наличие обширной научной литературы по теме «литература и православие», вопрос о значении литературы в инфосфере православных учебных заведений изучен не слишком хорошо, и обобщающие работы по данному вопросу отсутствуют. Существует, однако, значительное число исследований, посвященных взаимодействию православной традиции и русской литературы, а также изучению системы духовного образования Российской империи. Опираясь на эти

* Подготовлено при поддержке гранта РНФ № 22-28-00862 «Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX — нач. XX вв.».

работы, возможно реконструировать целостную картину влияния русской литературы на инфосферу православных учебных заведений в Российской империи в XIX — начале XX в. Но конечно, для проведения подобных религиоведческих исследований необходим междисциплинарный подход, предполагающий использование методологического инструментария философии информации (откуда был заимствован ключевой для данной работы термин «инфосфера»), социологии науки и интеллектуальной истории. Анализ рецепции тех или иных литературных произведений в контексте эпохи и конкретных институций требует сложного междисциплинарного подхода. Необходимо использовать методы, выработанные в рамках не только религиоведения, но и социологии литературы, исследующей литературу как социальный институт [1], в частности социоанализ Пьера Бурдьё [2], три ступени которого помогают реконструировать литературное поле (термин, который Бурдьё определяет как «поле сил, воздействующих на всех вступающих в поле» [2, с. 24]), которое часто оказывается втянутым внутрь «поля власти», представляющего собой «пространство силовых отношений между агентами и институциями» [2, с. 24]). Примером такого «символического сражения» может быть история переводов Библии в России XIX в., которую Стивен Баталден назвал «русскими библейскими войнами» [3]. Также при изучении «религиозного литературоведения» значимыми являются методы социологии знания, которые показывают «конкретную обусловленность социокультурных позиций и определений, релевантных в той или иной группе или литературоведческой парадигме и определяющих специфику используемого концептуального аппарата» [1, с. 56]. Здесь самым ярким примером является анализ и критика произведений Л. Н. Толстого, который с конца XIX в. был самым изучаемым в русской духовной среде автором [4]. При исследовании инфосферы религиозных институций прошедших столетий метод интеллектуальной истории может использоваться в сочетании с методами социокультурного контекстуального анализа и историографического описания. Акцент при этом необходимо сделать на методах микроисторического исследования и изучения «локальных историй» (как кусочков «ризомы» инфосферы). Исследователи отмечают, что «к кругу заинтересованных, но пассивных участников общественных трансформаций относятся... не только сами ученые, субъекты познания, но и объекты научного исследования, люди и сообщества как предметы социальных наук, а также материальные объекты, латуровские “не-человеки”. Новое в своей радикальности применение научного метода к этим объектам приводит к неожиданным и катастрофическим побочным эффектам, обнаруживает природу и общество не как совокупность безгласных вещей, но как активных участников возможных переговоров о дальнейшем развитии» [5].

В данной работе речь идет и о «церковной культуре» (clerical culture), под которой понимают совокупность не только религиозных, но и «повседневных» практик. Это исследовательское поле в последние десятилетия активно разрабатывается, основная часть работ написана на католическом и протестантском материале. Исследователи отмечают, что точно определить понятие «церковная культура» сложно, сами клирики описывают ее с трудом, для большинства из них это среда, в которой они проводят значительную часть своей жизни, воспринимая традиции и обычаи, и даже культурные предпочтения, формирующиеся в ней, как нечто само собой разумеющееся [6; 7]. М. Папеш отмечает, что любые десять католиков, кото-

рых попросили бы описать церковную культуру, предложили бы совершенно разные точки зрения. Тем не менее церковная культура — это именно совокупность отношений и вселенная идей и материальной реальности, в которой епархиальные священники и епископы осуществляют свое служение и проводят свою жизнь [8, p. 17].

Изучение взаимодействия религии и литературы в XIX в. является темой множества исследований. Среди западных исследований можно выделить работу «Nineteenth-century religion and literature» [9], в шести главах которой скрупулезно проанализированы основные религиозные направления в английской культуре этого столетия и их влияние на религию. Обобщающие исследования на тему «православие и русская литература» стали активно выходить в России в 90-е годы XX в. Историографию исследований до 2002 г. можно увидеть в указателе «Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков», который вышел под редакцией В. А. Котельникова [10]. В XXI в. было опубликовано множество работ и защищены диссертации, в которых анализировалось восприятие церковно-академической средой русской литературы XIX в. При этом основной акцент делался на восприятии сочинений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и Н. С. Лескова, что отражает тот интерес представителей духовного сословия и преподавателей духовных учебных заведений, который мы можем проследить по периодическим изданиям и «церковному литературоведению» синодального периода.

В качестве источников при подготовке статьи были использованы письменные и рукописные источники. Значительное внимание было уделено каталогам библиотек духовных учебных заведений, как печатным, так и рукописным. Каталоги духовных академий, к сожалению, зачастую не дают нам возможности понять, какую литературу читали учащиеся, поскольку чаще всего их круг чтения был ограничен ученическими библиотеками, но из них мы можем узнать, что было доступно преподавателям. Каталоги библиотеки Московской духовной академии конца XIX в. по разнообразию литературы могли соперничать с лучшими библиотеками Российской империи. Мы там находим практически всю литературу, которая интересовала образованного российского читателя с конца XVII столетия. Это античная литература, европейская литература с неизменным Эразмом Роттердамским, без сочинений которого мы не можем представить себе ни одной «школьной» библиотеки, поскольку по его книгам учились не только правильно и достойно жить, но и бегло говорить на латыни. И конечно же, большое количество произведений XVIII–XIX вв., европейской классической литературы, чаще всего на языке оригинала либо в переводах на французский или немецкий языки. Так, Байрон представлен и английским пятитомным изданием, и сборниками на английском, немецком и французском и русском языках, а Ч. Диккенс — только одним переводом на русский, одним на французский («Записки Пиквикского клуба») и пятью изданиями на английском. Русская литература в каталоге Московской духовной академии представлена не только именами всех сколько-нибудь известных писателей (больше всего изданий А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, М. Ю. Лермонтова, Н. С. Лескова и Л. Н. Толстого), но и литературной критикой, а также литературоведческими сочинениями А. Ф. Бычкова, А. Н. Веселовского, Ф. И. Буслаева и др. В каталогах значится большое количество учебных пособий по русской словесности.

Другим важнейшим источником при изучении данного вопроса являются периодические издания, выходившие в духовных академиях Российской империи («Христианское чтение», «Труды Киевской духовной академии», «Православный собеседник», «Богословский вестник»). Еще одним значительным, хотя, возможно, и не столь очевидным источником, является православная автобиографика. Воспоминания священников и епископов содержат порой достаточно подробные воспоминания об учебе, начиная с низшей ступени приходских школ [11], а также о книгах, поскольку они занимали центральное место в образовании, особенно в самостоятельном образовании, которое было необходимо тем, кто стремился выбиться из той тяжелой и почти нищенской жизни, которую вели их отцы, священники из бедных деревенских приходов [12, с. 24]. Не менее важным источником для изучения интеллектуальной жизни духовных учебных заведений являются журналы заседаний советов духовных академий. Несмотря на свое название, они также включали записи обычных собраний духовных академий и обсуждение диссертационных сочинений выпускников (темой которых становились и литературные произведения). На заседаниях советов обсуждали и разрешения к публикации сочинений преподавателей духовных школ. И конечно же, полная картина знакомства учащихся и преподавателей духовных учебных заведений с русской литературой была бы неполной без той информации, которая содержится в учебных программах духовных учебных заведений, в которых приводятся не только список изучаемых персоналий, но и рекомендованная учебная литература (пособия по изучению словесности и хрестоматии). Еще одним малоиспользуемым источником, способным пролить свет на реальное состояние дел в русской духовной школе второй половины XIX в., являются отчеты инспекторов, проверявших духовные учебные заведения, из которых мы узнаем о реальном уровне знаний учащихся.

Появление произведений любого писателя в школьной программе или в хрестоматии говорит о том, что этот автор вошел в культурный канон. К 1905 г. в программы духовных семинарий входили те же русские писатели, которые и сейчас изучаются в средней школе, от И. А. Крылова до Л. Н. Толстого. Другим показателем признания церковным сообществом этого светского канона являлось участие церкви в юбилейных торжествах русских писателей. Если юбилей И. А. Крылова, да и юбилей А. С. Пушкина практически не получили отражения в церковной печати, то отмечавшиеся в 1902 и 1909 гг. юбилей Н. В. Гоголя [13] и юбилей В. А. Жуковского в 1902 г. [14] активно отмечались в российской духовной школе: совершались молебны, выходили статьи и сборники.

Первый директор Пушкинского Дома академик Н. А. Котляревский писал: «Памятники нашей отечественной художественной словесности я назвал национальной святыней; это не только поэтическая метафора, но определение, верно передающее то отношение, какое уже давно установилось между нами и этими созданиями мечты и ума наших писателей» [15], и разъяснял, что он вкладывает в понятие «святой»: «...то, что не подарено нам, не случайно нами приобретено, а добыто нами упорным трудом, упорной работой духа, куплено большой тревогой ума и большими душевными страданиями — то, что по праву принадлежит нам, как нераздельная часть нашего “я”, что не может быть ни унижено, ни оскорблено без того, чтобы не были унижены и оскорблены мы сами» [15, с. 10]. Это представление о сакральном статусе литературы было характерно для древнерусской книжности,

которая, впрочем, по своему характеру была скорее религиозной, нежели светской, только усилилось в Новое время. В XVIII–XIX вв. литераторы во всем мире активно захватывают те культурные локусы, которые до недавнего времени были в полном (или почти полном) распоряжении клириков. Но в XIX в. идея о поэте как «законодатель мира» (П. Б. Шелли) становится общим местом, чему в значительной мере способствовали идеи романтизма и концепция «эстетического воспитания» Фридриха Шиллера. В русской литературе мысль о пророческой миссии поэта была ярко выражена в «Пророке» (1826) А. С. Пушкина. Однако (и это становится очевидным при текстологическом анализе того же пушкинского «Пророка») связи между литературой и религией в эту эпоху были очень тесными. Богословские дебаты были почти неотделимы от философской, научной, медицинской, исторической и политической мысли не только в XVIII, но и в XIX в. Жесткие границы между священным и светским еще не были зафиксированы, и существовало постоянное «проскальзывание» между сакральным и мирским. Религиозные идеи и практики присутствуют во всей литературе и культуре XIX в. Исследователи отмечают наличие напряженности в отношениях между религией и другими культурными силами в этот период [9, р. 8]. Даже те русские писатели, которые стремились дистанцироваться от церкви или выступали против нее на протяжении «длинного XIX века», были воспитаны в христианской традиции, многие из тех, кто позже отошел от церкви, были религиозны в детстве и юности и позже участвовали в религиозных ритуалах. Разнообразие позиций по отношению к христианству, характерное для этой эпохи, создает значительные проблемы для занимающихся данной проблематикой: некоторые исследователи принижают значимость конкретной конфессии в творчестве какого-то автора, другие, напротив, значительно преувеличивают религиозность. Это связано с тем, что сложно понять, насколько в действительности был религиозен тот или иной писатель в обществе, где религия была не просто одним из аспектов культуры, а влияла на все сферы жизни, от семьи до политики, от церковной архитектуры до филантропии и т. д. Говоря о литературе и церкви, нельзя забывать, что церковь в своей деятельности нуждалась в литературе, она активно использовала литературу не только в пасторской практике среди членов церкви (проповеди), но и в миссионерских целях, и здесь мы обнаруживаем большое сходство с практиками британских миссионеров [16], отдельные произведения которых переводились на русский язык. Так, в церковной среде была известна книга «Гумаль и Лина», своеобразный религиозный «нон-фикшен» XIX в. Эту очень популярную в Британской империи книгу написал Каспар Фридрих Лоссиус (Kaspar Friedrich Lossius) (1753–1817), и на английском она была известна под названием «Gumal and Lina. A story for children to teach and enjoy especially to teach them the first concepts of religion» («Гумал и Лина. История для детей, которой можно учить и наслаждаться, особенно для того, чтобы научить их первым понятиям о религии»). Нам не удалось обнаружить ее в каталогах современных российских библиотек, но книга упоминается в автобиографических записках вологодского протоиерея Алексея Попова, который читал ее в качестве книги для внеклассного чтения в Устюжском духовном училище, и именно она разбудила в нем интерес к чтению [12, с. 24].

В России связи литературы и религии были еще крепче, чем в Европе, ведь до XVII в. развлекательной литературы в России не было, древнерусская «книжность» выполняла в первую очередь богослужебные и религиозно-дидактические

функции. Несмотря на начавшуюся в XVII столетии десакрализацию культуры, полная эмансипация некоторых сфер человеческой жизни от церкви была невозможна даже с точки зрения юридической. Прежде всего это сфера частной жизни и весь спектр связанных с ней проблем (отношения между полами, сексуальность, положение женщин в обществе и проч.). Любое отклонение от регламентированного церковью поведения рассматривалось не как «хорошее» или «плохое», а как грех — преступление перед Богом («непослушание воли Божией»). Об этом говорит и то, что все подобные вопросы рассматривались не гражданскими, а церковными властями. Семейная жизнь во многом также регламентировалась не столько светским, сколько каноническим правом. И морально-этический дискурс традиционно рассматривался как то, что входит в сферу не светского, а церковного «учительства». Поэтому церковные авторы так болезненно реагировали на вмешательство светских писателей в церковную сферу. Самым ярким примером тут служит творчество Льва Толстого, который не просто писал о «человеческой комедии», но и учительствовал. Желание писателя быть Учителем (о чем говорят его философские тексты и, конечно же, «Азбука»), а не просто романистом, стало одной из причин неприятия его церковью. Ведь даже в XIX столетии школьные буквари включали богоучительные тексты. Как правило, они содержали фрагмент из Жития св. Кирилла (Константина Философа), Декалог, «Символ веры» и религиозно-антропологические наставления (ярким примером такого букваря может служить «Букварь для употребления российского юношества» (М., 1814)). И хотя постепенно светский контент вытеснял религиозное содержание, и в букварях (и особенно часто в букварях для взрослых, в солдатских букварях) появились стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. К. Толстого и басни И. А. Крылова, все же морально-этические наставления, которые были обязательной составляющей этих учебных пособий, сохраняли свой религиозный характер.

В среде священства в XIX столетии знание русской литературы было очень неравным. В воспоминаниях священнослужителей, родившихся в первой четверти XIX в., часто отмечается, что в деревенских «поповских» семьях светская литература практически не была известна, а жены и дочери священников и вовсе не умели читать. Так, архиепископ Савва (Тихомиров) (1819–1896) писал, что вся его семья, мать и двенадцать сестер (отец умер незадолго до рождения сына), была неграмотна [11, с. 6]. Отсутствие домашних традиций чтения светской литературы не могло не сказываться на отношении к светской литературе в среде духовенства, которое под влиянием традиций и сословных ограничений к концу XVIII в. превратилось в маргинальную группу [17] и образovalo субкультуру со своим специфическим, недоверчивым отношением к дворянской культуре [18]. Разительные перемены происходят только во второй половине XIX в., когда благодаря Великим реформам происходит не только исход «поповичей» в мир [19], но и полностью меняется отношение к образованию женщин из среды духовенства, открываются епархиальные училища для женщин (с 1860 г.), после окончания которых они могли стать сельскими учительницами, и церковные иерархи, не слишком позитивно относившиеся к учебе поповен в гимназиях, заявляют о том, что жена священника должна быть активно вовлечена во «внутреннюю миссию» и заниматься просвещением крестьян [20], что, без сомнения, способствовало распространению знаний в среде духовенства. Провинциальные семинарские библиотеки в первой половине столе-

тия также были бедны. Вспоминая о годах учебы в семинарии, Василий Петрович Лободовский (1823–1900) писал, что «в сороковых годах в Б-скую бурсу не проникли еще ни Лермонтов, ни Гоголь. Даже Пушкин многим был известен только понаслышке» [21, с. 261]. Едва ли не основным источником знакомства с современной русской литературой был «самиздат»: переписывание книг, а чаще стихов. Архиепископ Саава (Тихомиров) вспоминал, что в 1834 г. учил наизусть произведения «известных тогда русских поэтов, как то: Державина и Жуковского, Баратынского, Пушкина, Рылеева, Козлова, Ф. Глинки, Байрона (в русском переводе) и др.» и свидетельствовал, что у него «и теперь сохраняется насколько рукописных сборников разных стихотворений» [11, с. 96–97].

Совершенно иные условия были в семьях священнослужителей, которые жили в городах и были интегрированы в светское общество. Примером здесь может служить семья священника Гавриила Чернышевского. Академик А. Н. Пыпин, двоюродный брат Н. Г. Чернышевского, который воспитывался вместе с ним, писал об их саратовском детстве и юности: «Гавриил Иванович, очень уважаемый в городе, имел довольно большой круг знакомства в местном богатом дворянском кругу, и отсюда он брал для сына, Николая Гавриловича (с детства жадно любившего чтение), новые книги, русские, а также и французские: у нас бывали свежие тома сочинений Пушкина, Жуковского, Гоголя, некоторые журналы» [22, с. 34]. Любопытно, что имена писателей, упомянутые в этом фрагменте из воспоминаний А. Н. Пыпина, наряду с Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым, и в меньшей степени Н. С. Лесковым, чаще всего встречаются в духовно-академической периодике второй половины XIX в. Творчество этих писателей также неоднократно становилось темой квалификационных работ, которые защищались учащимися православных духовных академий Российской империи в конце XIX — начале XX в. История литературы была добавлена к традиционному для духовных учебных заведений курсу словесности в результате реформы 1867 г.

Одним из наиболее популярных учебников в конце XIX столетия стал «Курс истории русской литературы» Михаила Алексеевича Орлова (1845–1918). Выпускник Воронежской духовной семинарии и Киевской духовной академии, он с 1849 г. преподавал в Харьковской семинарии и в 1871 г. издал этот учебник, который был рекомендован Св. Синодом в качестве учебного пособия и переиздавался более десяти раз. В учебнике достаточно подробно рассказано об «устной народной литературе» (этот раздел включал не только богатырский эпос, песни, пословицы, сказки и загадки, но также заговоры (при этом акцент делался на изучении условий их «крепости», что наверно бесполезно было знать будущим священникам) и похоронные причитания). Далее рассматривались древнерусская книжность (включая апокрифы), литература XVII столетия и привычный как для гимназических, так и для будущих советских учебников набор авторов от Ломоносова до Жуковского включительно. Второй выпуск был посвящен русской литературе XIX столетия. По этому учебнику мы можем судить, что русская литература с конца XIX в. в семинариях преподавалась практически в том же объеме, что и в светских учебных заведениях, да и учебные пособия и хрестоматии, которые рекомендовались ученикам духовных учебных заведений в начале XX столетия, были теми же, по которым учились и гимназисты (семинаристам были рекомендованы учебники и хрестоматии таких известных педагогов, как А. Д. Галахов (1807–1892) и А. Г. Филонов (1831–1908)).

Темы выпускных квалификационных работ учащихся духовной школы нам известны не только благодаря тому, что некоторые из них сохранились в архивах, но и потому, что рецензии на них публиковались в журналах заседаний советов духовных академий. На каждую работу было по две рецензии, и они, как правило очень отличались. Рецензенты не только по-разному оценивали саму работу, но и придерживались иногда полярно противоположных мнений относительно источников работы (например, произведений русских писателей). Это дает нам возможность получить достаточно полное представление о восприятии творчества того или иного философа в духовно-академической среде. В частности, в 1915 г. в Московской духовной академии состоялась защита работы Петра Алферова на соискание степени кандидата богословия. Темой работы было «Евангельское учение о браке (в связи с современными суждениями о нем)», и она была построена на компаративном анализе христианской традиции (начиная с апостольских посланий) и сочинений Л. Н. Толстого (вторая глава) и В. В. Розанова (третья глава). Отзыв инспектора МДА архимандрита Илариона был достаточно сдержанным, он отметил отсутствие критики взглядов Толстого и Розанова на брак: «... в сочинении г. Алферова представлены три взгляда на брак: евангельский, Толстого и Розанова, но сравнения этих взглядов между собой не дано; читатель сам должен догадываться о преимуществах взгляда евангельского» [22, с. 136]. Второй рецензент, доцент Н. Д. Протасов, отмечал, что автор «совершенно игнорирует данные опытной психологии на этот счет, которые придали бы его рассуждениям большую устойчивость и определенность» [23, с. 137]. Любопытно, что критика Л. Н. Толстого (столь обычная для церковной публицистики того времени) в отзыве отсутствует, однако В. В. Розанов именуется «газетным мыслителем» [23, с. 137].

Еще одним важным источником реконструкции места и роли литературы в духовно-академическом дискурсе Российской империи являются литературная критика, написанная представителями духовного сословия и членами духовно-академической корпорации. Развитие «церковной критики» стало возможно не только из-за некоторого ослабления цензуры, но и благодаря развитию русской периодической печати, которая стала важнейшим средством коммуникации представителей различных сословий. Достаточно известны были критические сочинения Николая Александровича Колосова (1862 — после 1931). Сын протоиерея Рязанской епархии, Николай Колосов закончил по первому разряду Рязанскую семинарию (1883), а спустя четыре года — и Московскую духовную академию. Выпустившись из МДА со степенью кандидата богословия и правом преподавания, он два года преподавал в Курской духовной семинарии, читал курсы по истории «обличения русского раскола и местных сект», а также занимался семинарской библиотекой. Библиотечное дело стало его основным занятием в последующие восемь лет, которые он провел в МДА в должности библиотекаря. После рукоположения в священник сан он служил в московских церквях. Одновременно активно занимался духовным просвещением и публицистикой, и в первую очередь литературной публицистикой (в 1911–1912 гг. даже читал курс о новейшей русской литературе учащимся женских богословских курсов). Он также был автором «научных» некрологов церковных деятелей. Публикации, посвященные научным достижениям священнослужителей, были в Российской империи XIX столетия достаточно молодым направлением научной публицистики и без сомнения были связаны с повы-

шением общественного статуса научной работы, происшедшим в XIX в., когда наука начала восприниматься не столько как ремесло, а скорее как вид общественного служения (но еще раньше повышению престижа научных штудий способствовали идеи Просвещения и создание Императорской академии наук, членство в которой было престижным для представителей российских элит, в число которых входили и представители духовного сословия). Среди его резонансных публикаций можно указать серию статей «Типы православного духовенства в русской светской литературе», в которой он, в частности, критиковал Лескова, а также несколько книг о сочинениях Максима Горького, и, конечно, работы, посвященные Леониду Андрееву. Критическое отношение церковных авторов, в частности, к творчеству Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Максима Горького связано с тем, что эти писатели были в поиске альтернативных и даже внецерковных путей духовного просвещения и оказывали мощное влияние на мировоззрение русских читателей. Следующим шагом в развитии «церковной» литературной критики стало появление работ, в которых делалась попытка апроприации современной русской литературы. В этих сочинениях авторы стремились продемонстрировать укорененность тех или иных писателей в русской религиозной традиции. В качестве примера можно привести серию статей священника Михаила Михайловича Степанова (1885 — не ранее 1919) «Религия русских писателей», в которой он стремился проанализировать религиозные взгляды М. Ю. Лермонтова, А. П. Чехова, И. С. Тургенева и И. С. Никитина.

Изучение круга вопросов, связанных с русской литературой в инфосфере духовных учебных заведений синодального периода истории Русской православной церкви, позволяет взглянуть на проблему взаимоотношений науки и религии в широком культурном контексте. Подобные исследования помогают реконструировать картину мира православного духовенства исследуемого периода, позволяют наметить основные каналы культурных коммуникаций и трансформаций культуры России «длинного XIX века» и увидеть, как постепенно трансформируется эта картина мира: духовное сословие «открывается миру», перестает быть замкнутой субкультурой, какой оно было в начале XIX столетия, и немалую роль в этом сыграла литература.

Литература

1. Гудков, Л. и Дубин, Б. (2020), *Литература как социальный институт*, М.: Новое литературное обозрение.
2. Бурдые, П. (2000), *Поле литературы*, М.: Новое литературное обозрение.
3. Batalden, S. K. (2013), *Russian Bible Wars: Modern Scriptural Translation and Cultural Authority*, Cambridge University Press.
4. Шахнович, М. М., Чумакова, Т. В. и Терюкова, Е. А. (2017), Философская литература в собрании библиотеки Императорского православного палестинского общества. К 135-летию основания общества, *Вопросы философии*, № 4, с. 211–214.
5. Шиповалова, Л. В. (2020), Научно-техническая революция — актуальные уроки неактуального концепта, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 36, № 2, с. 313–325.
6. Davies, D. J. and Guest, M. (2016), *Bishops, wives and children: Spiritual capital across the generations*, Routledge.
7. Lees, C. and Overing, G. (2009), *Double agents: women and clerical culture in Anglo-Saxon England*, University of Wales Press.
8. Papesh, M. L. (2004), *Clerical Culture: Contradiction and Transformation: The Culture of the Dioc-*

esan Priests of the United States Catholic Church, Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press.

9. Knight, M. and Mason, E. (2006), *Nineteenth-century religion and literature: an introduction*, Madison, Oxford University Press.
10. Котельников, В. А. (2002), *Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков: Библиографический указатель. 1800–2000*, СПб.: Наука.
11. Савва (Тихомиров) (1898), *Хроника моей жизни*, т. 1, Сергиев Посад: Типография Снегиревой.
12. Попов, А. (1913), *Воспоминания причетнического сына: Из жизни духовенства Вологодской епархии*, Вологда: Типография Губернского правления.
13. Балакшина, Ю. В. (2019), Личность и творчество Гоголя в церковной рецепции начала XX века, в: *Гоголь и пути развития русской литературы: Сборник статей*, ред. Викулова, В. П., М.: Новосибирский изд. дом, с. 197–204.
14. Анисимова, Е. Е. (2013), Жуковский между двух юбилеев (1883–1902). Статья 2. Торжества 1902 г.: совмещение юбилеев, стратегии автоканонизации, *Вестник Томского государственного университета. Филология*, № 6 (26), с. 53–60.
15. Котляревский, Н. А. (1919), *Наше недавнее прошлое в истолковании художников слова*, Пг.: Наука и школа.
16. Hanan, P. (2000), The Missionary Novels of Nineteenth-Century China, *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 60, no. 2, pp. 413–443.
17. Freeze, G. (1977), *The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century*, Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press.
18. Живов, В. М. (1999), Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции, *Новое литературное обозрение*, № 37, с. 37–51.
19. Манчестер, Л. (2015), *Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России*. М.: Новое литературное обозрение.
20. Манчестер, Л. (2012), Сельские матушки и поповны как «агенты просвещения» в российской деревне: позднимперский период, в: Эткинд, А. (ред.), *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России*, М.: Новое литературное обозрение, с. 311–348.
21. Лободовский, В. П. (1904), Бытовые очерки, *Русская старина*, вып. 1, с. 215–370.
22. Демченко А. А. (2015), *Н. Г. Чернышевский. Научная биография (1828–1858)*, СПб.: Петроглиф.
23. *Журналы собраний Совета Императорской Московской Духовной Академии за 1915 год*, Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Лавры.

Статья поступила в редакцию 27 сентября 2022 г.;
рекомендована к печати 15 апреля 2023 г.

Контактная информация:

Чумакова Татьяна Витаутасовна — д-р филос. наук, проф.; t.chumakova@spbu.ru

Russian Literature of the 19th — Early 20th Centuries in the Infosphere of Theological Academies of the Russian Empire*

T. V. Chumakova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Chumakova T. V. Russian Literature of the 19th — Early 20th Centuries in the Infosphere of Theological Academies of the Russian Empire. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 3, pp. 595–606. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.315> (In Russian)

The purpose of the article is an attempt to develop approaches to the reconstruction of the place and role of literature in the intellectual and information sphere of Russian theological academies of the nineteenth — early twentieth centuries. The current publication has been prepared on the basis of sources of various origins: catalogs of libraries of theological academies, periodicals published in the Orthodox theological academies of the Russian Empire (*Khristianskoe chtenie* (Christian Reading), *Trudy Kievskoi Dukhovnoi Akademii* (Proceedings of the Kiev Theological Academy), *Pravoslavnyi sobesednik* (Orthodox Interlocutor), *Bogoslavskii vestnik* (Theological Bulletin), for instance), Orthodox autobiographies, proceedings of meetings of councils of theological academies, programs of training courses, teaching manuals (textbooks and anthologies), etc. The analysis of those numerous sources shows that the libraries of four Orthodox theological academies of the Russian Empire had large collections of fiction in various languages, including works of Russian literature. Studying Russian literature was also part of a number of training courses. Initially, it was due not so much to the desire to provide students with a versatile education, but to the desire to develop their artistic taste and literary abilities, which was necessary for composing sermons. But later, literature was interpreted as something of powerful influence at a person's worldview, something that could compete with religion. The study shows that the influence of contemporary Russian literature was constantly increasing, and, by the early twentieth century, the programs of theological educational institutions included studying works by almost all Russian writers. At the same time, not only 'spiritual' writings were studied, but also those which were considered 'harmful', and the last one got almost a central place in the ecclesiastic periodicals (L. N. Tolstoy).

Keywords: religious studies, history of Christianity, history of religious education, Orthodoxy, infosphere, Russian literature.

References

1. Gudkov, L. and Dubin, B. (2020), *Literature as social institute*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
2. Bourdieu, P. (2000) *Literary Field*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
3. Batalden, S. K. (2013) *Russian Bible Wars: Modern Scriptural Translation and Cultural Authority*, Cambridge University Press.
4. Shakhnovich, M. M., Chumakova, T. V. and Teryukova, E. A. (2017), Philosophical Literature in the Library Collection of the Imperial Orthodox Palestinian Society. To the 135th anniversary of the founding of the society, *Voprosy filosofii*, no. 4, pp. 211–214. (In Russian)
5. Shipovalova L. V. (2020), Scientific-technical revolution — important lessons of unimportant concept, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 36, no. 2, pp. 313–325. (In Russian)

* The publication was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant no. 22-28-00862 “The infosphere of theological schools of the Russian Empire in the 19th — early 20th century”.

6. Davies, D.J. and Guest, M. (2016), *Bishops, wives and children: Spiritual capital across the generations*, Routledge.
7. Lees, C. and Overing, G. (2009), *Double agents: women and clerical culture in Anglo-Saxon England*. University of Wales Press.
8. Papesh, M.L. (2004), *Clerical Culture: Contradiction and Transformation: The Culture of the Diocesan Priests of the United States Catholic Church*, Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press.
9. Knight, M. and Mason, E. (2006), *Nineteenth-century religion and literature: an introduction*, Madison, Oxford University Press.
10. Kotelnikov, V. A. (2002), *Christianity and New Russian Literature of the 18th–20th Centuries: A Bibliographic Index. 1800–2000*, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
11. Savva (Tikhomirov) (1898), *Chronicle of my life*, vol. 1, Sergiev Posad: Tipografia Snegirevoi Publ. (In Russian)
12. Popov, A. (1913), *Memoirs of a clerk's son: From the life of the clergy of the Vologda diocese*, Vologda: Tipografia Gubernskogo pravleniia Publ. (In Russian)
13. Balakshina, Yu. V. (2019), Gogol's personality and work in the church reception of the early 20th century, *Gogol' i puti razvitiia russkoi literatury: Sbornik statei*, ed. by Vikulova, V.P., Moscow: Novosibirskii izdatel'skii dom Publ, pp. 197–204. (In Russian)
14. Anisimova, E. E. (2013), Zhukovsky between two anniversaries (1883–1902). Article 2. Celebrations of 1902: combining anniversaries, strategies for autocanonization, *Bulletin of the Tomsk State University. Philology*, no. 6 (26), pp. 53–60. (In Russian)
15. Kotlyarevsky, N. A. (1919), *Our recent past in the interpretation of the artists of the word*, Petrograd: Nauka i shkola Publ. (In Russian)
16. Hanan, P. (2000), The Missionary Novels of Nineteenth-Century China, *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 60, no. 2, pp. 413–443.
17. Freeze, G. (1977), *The Russian Levites. Parish Clergy in the Eighteenth Century*, Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press.
18. Zhivov, V.M. (1999), Marginal Culture in Russia and the Birth of the Intelligentsia, *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 37, pp. 37–51.
19. Manchester, L. (2015), *Priests sons in the world: the clergy, the intelligentsia and the formation of modern identity in Russia*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
20. Manchester, L. (2012), Rural priest's wives and daughters as “agents of enlightenment” in the Russian countryside: the late imperial period, in: Etkind, A. (ed.). *Tam, vnutri. Praktiki vnutrennei kolonizatsii v kul'turnoi istorii Rossii*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 311–348. (In Russian)
21. Lobodovsky, V.P. (1994), Household essays, *Russkaia starina*, is. 1, pp. 215–370.
22. Demchenko A. A. (2015) *N. G. Chernyshevsky. Scientific biography (1828–1858)*, St. Petersburg: Petroglif Publ. (In Russian)
23. *Journals of the meetings of the Council of the Imperial Moscow Theological Academy for 1915*, Sergiev Posad: Tipografia Sviato-Troitskoi Lavry Publ.

Received: September 27, 2022

Accepted: April 15, 2023

Author's information:

Tatiana V. Chumakova — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; t.chumakova@spbu.ru